Москва
Большой театр

21.05.94

Большой театр на краю бездны?..

«Шпигель»: ПОСТРОЕННЫЙ НА ПЕСКЕ

Мечта всех москвичей — хоть раз в жизни побывать в Большом театре. Для эстетов России этот театр — все равно что Байрейт для поклонников Вагнера, вершина, Грааль.

В среднем рядовому гражданину приходится ждать 20 лет, чтобы получить билет в театр. Но того, кому выпадает счастье или помог «черный рынок», охватывает священный трепет. Он облачается в парадный костюм и, преисполненный патриотического пафоса, занимает одно из дальних мест в этом театре в сердце столицы.

Вот он стоит — великолепное здание, московский акрополь, прекраснейший из всех награжденных орденом Ленина. Восемь ионических колонн поддерживают мощный портик. На вершине фронтона мчится ввысь Аполлон на бронзовой квадриге. Там, наверху, на Олимпе музыкального и балетного искусства, всегда ощущал себя Большой театр.

Соответствующим великолепием отличаются и архитектурные интерьеры. Мраморные лестницы, обрамленные балюстрадами и кулуарами, повсюду тяжелые парчовые занавеси с оборками. На стенах мерцает чистое золото — на шесть тысяч квадратных метров поверхности нанесен килограмм золота.

Кого только не прославляла эта сокровищница! Выступая здесь перед 2156 зрителями, [illegible] театр до пятого яруса, Федор Шаляпин, легендарный бас, завоевал мировую славу. В этой оркестровой яме многие годы взмахивал дирижерской палочкой Сергей Рахманинов. На этой сцене [illegible] 40 метров Майя Плисецкая, прима-балерина всех трудящихся, сумела показать, что балет Большого театра — высший класс.

Этим храмом и его помпезными патриотическими хитами государство всегда возвеличивало себя. Давали ли «Евгения Онегина» Чайковского (он прошел боле 2.000 раз) или — с незапамятных времен — «Лебединое озеро», стояли ли в репертуаре «Иван Грозный» или революционный балет «Красный мак», Большой театр всегда также служил ареной для монархов, путчистов и партийных бонз.

В этой цитадели роскоши чествовали только что коронованного царя Николая II, стоявшего рядом со своей супругой. Здесь Советы принимали Конституцию, а Ленин произнес 36 речей. Сидя в своей незаметной боковой ложе, упивался образцами социалистического реализма Сталин и любовался ножками балерин.

По распоряжению седовласого главы КПСС Константина Черненко несколько лет назад были взломаны стены этого исторического здания, чтобы построить лифт. Но он так и не успел им воспользоваться — умер, и его положили рядом, в Колонном зале Дома союзов, как государственного деятеля. Зато Борис Ельцин, словно Паваротти в политике, торжественно вошел в этот «белый дом прекрасных искусств».

Все это только мишура, все обман, потемкинская деревня. Этот главный театр страны обветшал, его репертуар заплесневел, потеря артистов приняла драматические масштабы. В свой 218-й сезон эта прославленная сцена стоит на краю бездны, перед развалом здания, творческим и финансовым крахом.

Фундамент, построенный на песке, непрочен. В здании, с тех пор как по соседству повсюду что-то копают, появились опасные трещины. Дубовые опоры [illegible], штукатурка осыпается.

Самые современные участки электросистемы были смонтированы в 1935 году. Многие кабели в вестибюлях ядовито-зеленого цвета, оголены. Компьютеры, регулирующие освещение, то и дело выходят из строя и ремонтируются кое-как.

Фонды театральных принадлежностей (150 тысяч костюмов, 50 тысяч париков) хранятся за 14 километров от театра. Конторские служащие стучат на пищущих машинках, которым уже 40 лет. С двухтонного бархатного занавеса, украшенного серпом и молотом, осыпается позолота.

Но несравненно более тяжелые последствия для уровня Большого театра имеет другое: из Большого театра уходят лучшие артисты, уровень мастерства, как и все здание, опускается все ниже и ниже.

Главного дирижера Александра Лазарева вместе с оркестром удивительно часто тянет в Бирмингем, Филадельфию и на прочие «золотые прииски» Запада. Свой же дом, возмущаются «Московские новости», он бросает «в заброшенном состоянии, словно авгиевы конюшни».

Знаменитый бас Евгений Нестеренко, который на своих визитных карточках все еще называет себя «народным артистом СССР», предпочитает выступать в роли Радамеса в «Аиде» в Гамбурге и исполняет роль короля Филиппа в «Дон Карлосе» гораздо чаще на мюнхенской сцене, чем у себя дома. На дверях своей роскошной московской квартиры, набитой стилизованной мебелью, этот известный певец навесил дополнительные замки: «Больше трех недель ты не захотел бы здесь жить».

Маквала Касрашвили, драматическое сопрано, предпочитает давать гастроли в Вашингтоне, Нина Раутио поет в «Аиде» в Израиле, Образцова месяцами путешествует по Дальнему Востоку, Плисецкая обедает с Карденом в Париже. Многие именитые балерины под предлогом стажировок в прославленных труппах почти постоянно пребывают на Западе с его щедрыми гонорарами.

Правда, руководитель балета с авторитарными замашками Юрий Григорович карает отъезды за границу такого рода как незаконный переход из ГДР в ФРГ; этот диктатор в джинсах, подстриженный под ежик, за участие в гастролях без разрешения указал на дверь одиннадцати танцорам.

Однако «Студия Григоровича», одна из групп, основанных и возглавляемых лично Григоровичем, в 1993 году четыре месяца выступала за пределами страны. Группа, возглавляемая Натальей Бессмертновой, женой Григоровича, целый год гастролировала за рубежом.

То, что позволено боссу, другим стоит работы. Так, например, «звезда» балета Гедиминас Таранда, с 1974 года солист труппы Большого театра, согласно указу администрации за номером 416 был уволен, а [illegible], за «незаконные» выступления за границей».

Когда Таранда недавно все же решился прийти в Большой театр на генеральную репетицию «Корсара» и заявил со сцены протест, театральное руководство сразу выключило его микрофон и прожекторы, охрана и капитан милиции вывели мятежника из зала. «В этом театре царит крепостное право»,— сказал Таранда.

Не удается больше осуществлять хотя бы скромное обновление музейного репертуара. Когда в начале года наконец была осуществлена новая постановка «Князя Игоря», освобожденная от излишнего национального пафоса, многие консерваторы и прогрессисты слились в один голос в осуждении этой постановки. «Жалкое и смехотворное зрелище»,— злилась газета реформаторов «Московские новости», высмеивая «явный отказ от профессионализма и вкуса». Эта новая постановка, вторила им верная традициям «Московская правда», представляет собой «переоценку нашей истории» и «белый флаг капитуляции».

«Этот театр гибнет, он, как рыба, тухнет с головы»,— возмущается Александр Шипов, единственный вокалист, который показал себя в Большом театре как сторонник Жириновского, а теперь как его последователь вошел в состав Государственной думы. Несчастья Большого театра, с политической точки зрения, вполне устраивают этого либерального демократа.

«Все ждут чуда»,— говорит театральный художник Валерий Левенталь, ученик самого Фельзенштейна, «старый либерал», который никогда не был в партии и работает в Большом театре уже 30 лет, а теперь поставил «Князя Игоря». У руководства, критикует Левенталь, нет идей, работникам сцены не хватает профессионализма. Раньше они действовали «синхронно», как клавиши рояля, сегодня они «обходят кулисы, словно это бомба».

Генеральный директор Большого театра Владимир Коконин тоже беспомощно наблюдает за развалом и обескровливанием этого исторического центра, который он ставит в один ряд с такими чудесами света, как пирамида Хеопса или Большой канал в Венеции.

Коконин, кларнетист и бывший менеджер зарубежных гастролей, организуемых государственным ведомством — Госконцертом, «одним из первых» очистил театр от красной бюрократии и сверг с трона влиятельных, но чуждых музам аппаратчиков, но это, как и многие заявления в посткоммунистической Москве, в лучшем случае только полуправда.

Ведь в креслах руководителей Большого театра — этого крупного предприятия с почти тремя тысячами артистов и технических сотрудников—все еще сидят известные когда-то партийные деятели, бывшие активисты молодежной организации партии — комсомола, старые чиновники-коммунисты.

Но еще более опасной, чем это твердое ядро красных кадров, которые пока притаились, является для попытки Коконина спасти Большой театр от краха — жалобный мотив, звучащий по всей стране,— пустая казна.

В то время как внизу, на Театральной площади, три дюжины передвижных обменных пунктов окутывают театр выхлопными газами, а между ионических колонн бывшего прославленного дворца торговцы из московской театральной мафии пытаются всучить ничего не подозревающим западным туристам билеты по безбожно завышенной цене, Коконин в своем обитом плюшем кабинете подводит горький баланс.

В настоящее время участие Российского государства в этом престижном театре составляет всего 2 миллиона долларов в год. «Любой театр в мире получает дотации в 15 раз больше»,— подсчитал Коконин и занизил эту цифру: Баварская государственная опера в Мюнхене получает, например, от государства почти в 30 раз больше.

За ту сумму, которую он получает вечером в качестве выручки в кассе, говорит Коконин, театр «Метрополитэн» в Нью-Йорке «даже не открыл бы свои двери».

Идея спасения театра, выдвинутая Кокониным,— Большой театр надо перестроить до основания. Планы такой перестройки были составлены еще шесть лет назад и с тех пор заморожены. Городская администрация до сих пор не нашла временной сцены и не ассигновала необходимые 400 миллионов долларов.

Тем не менее Коконин может рассчитывать на верных союзников за рубежом. Лотар де Мэзьер, последний премьер-министр ГДР, хочет создать ассоциацию содействия Большому театру, ЮНЕСКО поставило этот замечательный дворец под охрану как памятник «мирового культурного наследия». Все это даст несколько миллионов долларов, но будет ли этого достаточно? В столовой этого слабеющего театра, где работников кормят безвкусной рисовой и перловой кашей, все громче ползут слухи о приближающемся обвале.

Говорят, что в будущем постановки чего доброго будут «поступать», как это уже делается в Мариинском театре в Петербурге, в качестве «готовых продуктов» из лондонского «Ковент-Гарден», ибо Большой театр — творческий банкрот. Или что бронзовая квадрига на верхушке портика тайком уже продана в США — а это уже национальный скандал.

А вот еще самый последний и самый опасный слух: вся труппа Большого театра в скором времени должна будет на несколько лет выехать в Америку, а потом разъезжать по свету, не имея Родины. «Это,— трезво говорит Коконин,— станет нашей смертью».

◇

Вот такая статья появилась недавно (18-й номер) в журнале «Шпигель». Мы попросили генерального директора ГАБТа России В. Коконина прокомментировать ее.

В. Коконин: ПОКА НЕ РУХНУЛ!

При всем ее взвинченном, нагнетающем напряжение тоне (впрочем, наша пресса, бывает, пишет о Большом театре в тоне и похлеще), при всей мешанине исторических фактов и текущих событий и при искажении иных фактов, эта статья правильно ставит ряд серьезных проблем и — как знать? — возможно, даже принесет театру определенную пользу. Впрочем, думаю, что авторами руководило стремление произвести сенсацию, а не соображения пользы. Ведь может создаться впечатление, особенно у не очень искушенного читателя, будто театр уже «рухнул» — а раз так, то что тогда и спасать?

Предыстория была такова. Зимой у нас появились двое журналистов из «Шпигеля» и сообщили о своем намерении написать материал о Большом театре. Мы открыли им все двери — они побывали везде, где хотели, беседовали не только со мной и другими представителями администрации и артистами, но и с техническим персоналом. Ради Бога — почему бы и нет? Но при всем моем уважении, допустим, к нашим рабочим сцены и капельдинерам они все-таки не самые осведомленные люди в делах театра. Неудивительно, что статья изобилует пересказами слухов.

Меньше всего наших гостей занимало искусство, зато интересовало, например, сколько евреев работает в театре. Вопрос довольно неожиданный — к счастью, мы уже давно отвыкли им задаваться. Не преминули, конечно, корреспонденты «Шпигеля» познакомиться и с Александром Шиповым. Этот артист работал у нас по договору. Таланта особого он не проявил, и потому по истечении срока договор с ним возобновлен не был, так что теперь он никакого отношения к Большому театру не имеет. Но гости в первый раз посетили нас в декабре: только что прошли выборы, и г-н Шипов, действительно приверженец политики г-на Жириновского, держался весьма задиристо. Собирался сколачивать группу сторонников ЛДПР и грозил в скором времени вымести из театра всех «коммунистов». Думаю, пассаж статьи о коммунистах, засевших на руководящих постах, навеян как раз его «выступлениями».

Многим, уверен, памятна история расставания Большого театра со своим парткомом. В те времена это еще было не очень-то принято, и она прозвучала довольно громко. Людей, занимавшихся исключительно партийной работой, в театре нет, но, естественно, немало тех, что просто состояли в КПСС. Когда меня спрашивают, вышел ли я из партии, я отвечаю: нет, это она из меня вышла. Но опыт театрального руководителя, извините, остался. Наконец, позволю себе заметить, что эта ситуация характерна не только для Большого театра — для всей страны.

От этой параллели «Большой — вся страна» никуда не деться. Большой театр — действительно лицо страны. Или ее зеркало — как угодно. И если в этой стране сейчас все так зыбко, так непрочно, то каким же образом Большой может стоять незыблемо, как скала? Но, в отличие от многого другого, Большой не рухнул, не развалился. Сколько бы ни было у театра проблем, мы его все-таки сохранили. И что бы ни писали наши газеты о «Князе Игоре», публика принимает его очень хорошо. Спектакль замечательно проходит за рубежом, где вообще всегда рады Большому и охотно приглашают его на гастроли. «Шпигель», на мой взгляд, продемонстрировал непонимание (нежелание понять?) не трудностей Большого театра, а сложности положения нашей страны.

Однако с цивилизованным миром Россию журнал не равняет. Очень его тревожит (хотя ему-то, казалось бы, только радоваться), что наши артисты заключают зарубежные контракты. Да разве весь мир не поет и не танцует во всем мире? Разве Паваротти, этот Ельцин вокала, как его, очевидно, следует называть, по мнению авторов статьи, не выступает за пределами Италии? И очень хорошо, что Нестеренко пользуется успехом в Германии, а Раутио — в Израиле! Выходят они и на сцену Большого театра. Другое дело, что случается это довольно редко, что, конечно же, весьма огорчает. В очередной раз — сотый уже, наверное! — повторю, что решить эту проблему можно только введением контрактной системы. Но в одиночку, самолично это сделать невозможно; чтобы она «работала», необходимо ее закрепить юридически, законодательно.

Историю с Гедиминасом Тарандой, понесшим заслуженное наказание за нарушение дисциплины, вновь пересказывать не буду — ее не успели еще забыть. Но уточню, что уволен был только он один, никому из собранной им гастрольной группы танцовщиков на дверь указано не было. С группой Натальи Бессмертновой, неизменно пользующейся спросом за рубежом, контракты заключаются через Большой театр. (Кстати, это далеко не единичный случай. Гастрольные группы, возглавляемые какой-либо «звездой», существовали у нас и раньше).

А вот студия «Григорович-балет» выводится за пределы Большого театра — уже и соответствующий приказ издан. Свое предназначение — готовить пополнение для основной труппы — она не выполнила. Очень молодые, незрелые артисты ездили по свету, эксплуатируя репертуар Большого театра (в первую очередь балеты самого Юрия Николаевича), будучи не очень-то в силах с ним справиться. Теперь труппа «Григорович-балет» будет существовать самостоятельно.

Страна реформируется, учится жить по-новому. Меняется — и будет меняться — и жизнь Большого театра. Мы добились особого статуса, добились самостоятельности, что помогло нам решить кое-какие наши проблемы. Но реформы в Большом вовсе не закончились, они только начинаются. И нам еще предстоит отдельный, серьезный разговор о них. Возможно, претерпит изменения структура управления театром. В Большом далеко не всегда существовал институт так называемых главных специалистов. Кому из любителей балета неизвестно имя Александра Горского, многие годы бывшего фактически главным балетмейстером Большого театра? Однако он так не назывался — кажется, у него вообще не было никакой должности. Не всегда были «главные» и в советское время... Впрочем, повторяю, этот разговор еще впереди.

О реставрации и реконструкции здания сказано уже столько, что и касаться-то вновь этой темы неловко. Однако приходится: проблема эта «номер один». Год назад было принято солидное правительственное постановление о реконструкции, утвердившее проект, сроки (весьма не отдаленные), заказчиков, исполнителей... Выполнено оно не будет. Выяснилось, что на Триумфальной площади, где планировалось построить новое здание для Театра оперетты, строить его нельзя — там проложено слишком много подземных коммуникаций. Теперь разработан другой проект. Театр оперетты мы оставляем в покое и строим новое здание для своего филиала. Место есть — это заброшенный двор в двух шагах от Большого театра. Проект этот значительно дешевле, поскольку из него «выпала» реконструкция здания Театра оперетты, однако и на его воплощение нужны немалые средства. Когда нам их выделят? А вот на этот вопрос ответа по-прежнему нет...

Не знаю, откуда взялась [illegible], а вот слух об отъезде труппы в Америку явно порожден столь долго ожидаемой реставрацией. Стоит ли объяснять, что он беспочвен, ведь «час» для реставрации еще не назначен. (А назначат — мы постараемся придумать, как устроить труппу. Например, вернемся временно на свою старую площадку — в КДС. Или, может быть, сначала построим филиал, а потом уже начнем реконструировать здание Большого).

Когда читаешь абзацы статьи в «Шпигеле», в которых говорится о том, что на Западе больше обеспокоены судьбой театра, чем здесь, становится обидно. У театра действительно много друзей за рубежом, готовых помочь, поддержать — и не потому, что «Большой на краю», а потому, что любят и ценят его искусство. Но не они должны сыграть решающую роль в возрождении Большого театра. Когда г-н Ангреми, бывший посол Франции в ЮНЕСКО, написал статью под заголовком «Мы спасем Большой театр», я высказал ему претензию: «Большой театр будем спасать мы сами!». Кстати, Россия ведь тоже член ЮНЕСКО. Очень хорошо, что эта организация обратила свое внимание на Большой театр. Но вот, к примеру, проект реконструкции, предложенный ее специалистами, был нами отвергнут. Он предусматривал огромную стеклянную пристройку к заднему фасаду здания, что, несомненно, не лучшим образом отразилось бы на его внешнем виде.

Когда я выразил надежду, что эта статья может принести пользу, я имел в виду не международный резонанс. Я имел в виду реакцию у нас — наших театралов, наших деятелей культуры, всех, кому небезразлично, будет ли спасен Большой театр.

◇

Вчера в Большом театре состоялась премьера: оперы Сергея Рахманинова «Скупой рыцарь» и «Алеко» поставили А. Лазарев, В. Левенталь, Н. Кузнецов. О том, как она прошла, мы вам вскоре расскажем.